

УДК 94(497.1)+94(47)+5.6.1+5.6.2
DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-3-608-618
EDN FYLQGO
Оригинальное исследование

Сербская пресса о внешней политике России во время балканского кризиса 1908–1909 гг.

Стоянович М.

Тульский государственный университет,
Россия, 300012, г. Тула, пр. Ленина, д. 92

E-mail: legendantish@yandex.com

Аннотация. В статье автор впервые исследует внешнюю политику России в сербской прессе в период Балканского кризиса 1908–1909 гг. Корни Балканского кризиса восходят к Берлинскому конгрессу 1878 года, когда территория Боснии и Герцеговины была оккупирована Австро-Венгрией, а центральная территория Балканского полуострова осталась под контролем Османской империи. В начале XX века отношения на территории Македонии, Косово и Фракии становились все более напряжёнными, поскольку христианские народы (сербы, греки и болгары) пытались присоединить эти территории к своим государствам. Австро-Венгрия хотела аннексировать Боснию и Герцеговину и начать продвижение в центральные Балканы до Салоники, что встретило сопротивление Сербии. В начале октября 1908 года Австро-Венгрия официально аннексировала Боснию и Герцеговину, что привело к месяцам великой драмы. Сербия готовилась к войне, а Австро-Венгрия начала частичную мобилизацию. В таких обстоятельствах сербская пресса ежедневно сообщает о влиянии великих держав на разрешение балканского кризиса. Сербская пресса уделила больше всего внимания России, надеясь на помощь от братской страны. Идея России и великих держав состояла в созыве конференции, на которой были бы решены проблемы на Балканском полуострове. Под влиянием Австро-Венгрии Германия в конечном итоге под угрозой войны вынудила Россию принять австро-венгерскую аннексию Боснии и Герцеговины. Таким образом, в марте и апреле 1909 года все великие державы приняли аннексию и заставили Сербию признать свершившийся факт. Сербская пресса возлагала большие надежды на Россию осенью и зимой 1908–1909 годов. В марте и апреле 1909 года, к большому разочарованию, она писала о российской внешней политике и предательстве сербских интересов. Они обвиняли министра иностранных дел России Извольского во всех проблемах на Балканском полуострове.

Ключевые слова: Сербия, сербская пресса, Россия, Балканский полуостров, Австро-Венгрия, Босния и Герцеговина, кризис, аннексия

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Стоянович М. 2025. Сербская пресса о внешней политике России во время балканского кризиса 1908–1909 гг. *Via in tempore. История. Политология.* 52(3): 608–618. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-3-608-618. EDN: FYLQGO

Serbian Press on Russian Foreign Policy during the Balkan Crisis of 1908–1909

Milan Stojanovic

Tula State University,
92 Lenin Ave., Tula 300012, Russia
E-mail: legendantish@yandex.com

Abstract. The article pioneers the interpretation of Russia's foreign policy covered in the Serbian press during the Balkan crisis of 1908–1909. The roots of the Balkan crisis went back to the Berlin Congress of 1878, when

the territory of Bosnia and Herzegovina was occupied by Austria-Hungary, and the central territory of the Balkan Peninsula remained under the control of the Ottoman Empire. At the beginning of the 20th century, relations in the territories of Macedonia, Kosovo, and Thrace became increasingly tense, as Christian peoples (Serbs, Greeks, and Bulgarians) tried to annex these areas to their states. Austria-Hungary wanted to annex Bosnia and Herzegovina and begin a push into the central Balkans as far as Thessaloniki, which met opposition from Serbia. In early October 1908, Austria-Hungary officially annexed Bosnia and Herzegovina, leading to months of great drama. Serbia was preparing for war, while Austria-Hungary began partial mobilization. In such circumstances, the Serbian press reported daily on the influence of the great powers in resolving the Balkan crisis. The Serbian press gave the highest coverage to Russia, hoping for help from the fraternal country. The idea of Russia and the great powers was to convene a conference at which the problems on the Balkan Peninsula would be resolved. Under the influence of Austria-Hungary, Germany ultimately, under the threat of war, forced Russia to accept the Austro-Hungarian annexation of Bosnia and Herzegovina. Thus, in March and April 1909, all the great powers accepted the annexation and forced Serbia to recognize the *fait accompli*. The Serbian press, going from great hope for Russia in the autumn and winter of 1908–1909 to immense disappointment in March and April, wrote about the Russian foreign policy and the betrayal of Serbian interests. They accused the Russian Foreign Minister Izvolsky of all the problems on the Balkan Peninsula.

Keywords: Serbia, Serbian press, Russia, Balkan Peninsula, Austria-Hungary, Bosnia and Herzegovina, crisis, annexation

Funding: the work was carried out without external sources of funding.

For citation: Stojanovic M. 2025. Serbian Press on Russian Foreign Policy during the Balkan Crisis of 1908–1909. *Via in tempore. History and political science.* 52(3): 608–618 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-3-608-618. EDN: FYLQGO

Введение

Тема сербско-российских отношений в период Боснийского кризиса 1908–1909 годов существует в парадоксальном пространстве: при своей безусловной значимости она остаётся концептуально неоформленной в академическом дискурсе. Если большинство востребованных научных направлений разрабатываются в режиме «переизбытка» интерпретаций, то здесь мы сталкиваемся с феноменом структурной лакунарности – наличием множества эмпирических данных при отсутствии целостной аналитической матрицы для их осмыслиения. Сложившаяся ситуация характеризуется тремя ключевыми особенностями: 1) фрагментарность существующих исследований, где отдельные аспекты проблемы рассматриваются вне системных связей; 2) методологический вакуум в подходах к анализу сербско-российского политического взаимодействия; 3) источниковый дисбаланс – преобладание конъюнктурных оценок над фундаментальным анализом.

Проведённая автором исследовательская работа (результатом которой стала монография на сербском языке: Стојановић М. Историја српско-руских политичких односа од XVIII века до данас – Нови Сад: Архив Војводине, 2022. – 415 с.) осуществлялась в методологическом ключе критического историзма – подхода, позволяющего выявить не только фактологическую канву отношений, но и их имманентную логику развития. Особое внимание было уделено деконструкции устоявшихся историографических клише, выявлению латентных факторов влияния, анализу нелинейной динамики двусторонних отношений. О боснийском кризисе писали: 1) Stojanović N. Bosanska kriza: (1908–1914 god.). Sarajevo : "Veselin Masleša", 1958. 118 S.; 2) Војводић М. Оцене руско-српских односа у светлу анексионе кризе // Научни склопови / Српска академија наука и уметности ; ткњ. #155. Одељење историјских наука; ткњ. #38. 2016. С. [139]–143; 3) Никофоров К. Политика Русије према Босанској кризи // Руска политика на Балкану : зборник радова. 1999. С. 125–127.

Начало XX века застало Балканский полуостров в состоянии уникального правового дуализма. Берлинский конгресс 1878 года создал беспрецедентную конструкцию: *de jure* Босния и Герцеговина оставались «неотъемлемой частью» Османской империи (статья 25

Берлинского договора), a de facto перешли под полный контроль Австро-Венгрии [Сборник договоров, 1952, с. 193]. Это породило феномен «правового вассалитета», где местное мусульманское дворянство продолжало апеллировать к Стамбулу, венский двор осуществлял реальное управление, а сербское население ориентировалось на Белград.

Австро-венгерская балканская политика представляла собой многоуровневую систему давления. Особую значимость приобрел Новопазарский проект, создававший транспортный коридор к Эгейскому морю. Как писал в январе 1908 года Эренталь своему послу в Стамбуле, строительство железной дороги в Новопазарском санджаке стало бы прямым проникновением вглубь полуострова. Это нарушало все прежние австро-руssкие соглашения о Балканах.

Исследование выявило три ключевых нарратива в сербской прессе: 1) дискурс предательства: критика российской уступчивости и разоблачение «железнодорожной дипломатии» Эрентала; 2) концепция единства: апелляция к общеславянской солидарности и конструирование образа «братской России»; 3) тактика сопротивления: публикация секретных документов и координация с зарубежными изданиями. Автор исследует сербскую прессу и политические обстоятельства, в которых она публиковалась в Сербии, Австро-Венгерской империи, Османской империи и Соединенных Штатах. Впервые доказано, что сербская пресса выполняла функции: 1) альтернативного дипломатического канала; 2) инструмента мобилизации общественного мнения; 3) платформы транснационального антигабсбургского дискурса. Установлена корреляция между: 1) тональностью публикаций и динамикой кризиса; 2) географией распространения и политическим воздействием. Разработана оригинальная методика анализа исторических медиатекстов через призму: 1) контент-стратегий; 2) дискурсивных практик; 3) информационных потоков.

Результаты и их обсуждение

Летне-осенний период 1908 года стал временем небывалой дипломатической турбулентности [Стојановић, 2022, с. 279–280]. Встреча Николая II с Эдуардом VII в июне спровоцировала «имперскую обиду» Османской империи, ускорившую младотурецкий переворот в июле. В августе отдых Эрентала в Карлсбаде превратился в неформальный штаб кризисного реагирования. Здесь была окончательно разработана стратегия аннексии [Айрапетов, 2018, с. 386].

Кульминацией стала тайная встреча в Бухлау 15–16 сентября 1908 года, где Извольский и Эренталь договорились о взаимном признании аннексии и прав России на проливы. Однако этот план провалился из-за сопротивления других великих держав [Бестужев-Лада, 1960, с. 121–124]. Как с горечью констатировала *Политика* 6 сентября: «Австрийская пресса с величайшим восторгом констатирует полное согласие между министрами». Уже через четыре дня та же газета писала: «Эренталь хорошо известен как человек с большими амбициями и любящий политику сюрприза» [Политика, 1908, № 1666, с. 1].

Всего четыре дня спустя *Политика* с тревогой пишет в статье «Новое об аннексии»: «Эренталь хорошо известен как человек с большими амбициями и любящий политику сюрприза. (...) То, что теперь можно ожидать нового нападения в Боснии, не более неожиданно, чем недавнее нападение на железную дорогу в Нови-Пазаре» [Политика, 1908, № 1670, с. 1].

7 октября 1908 года Франц Иосиф официально провозгласил аннексию, сопроводив её обвинениями Сербии в «антинемецкой истерии» [Стојановић, 2022, с. 281]. Сербская пресса отреагировала резко: «Мы ведём войну с Австрией. Если бы её вела только Сербия, это было бы заранее известное поражение. Но её ведём с Черногорией и всей Боснией и Герцеговиной» [Политика, 1908, № 1685, с. 1].

Октябрь 1908 года стал временем небывалого единения сербского общества. По всей стране проходили митинги, формировались добровольческие отряды. Однако надежды на поддержку России быстро таяли. *Политика* 14 октября в большом анализе «Сербия и великие державы» с горечью объясняла, насколько Босния и Герцеговина важны для сербского народа и как отреагируют великие державы в случае созыва новой международной конференции.

Всего в одной фразе сербский автор упомянул Россию: «Позволит ли Россия, чтобы в европейском восточном вопросе она испытала такое же поражение, как в азиатском?» [Политика, 1908, № 1691, с. 1]. На третьей странице этого номера *Политики* в статье «Конференция» журналист также затронул Дарданеллы и положение России на конференции, написав с большим негодованием о российской дипломатии: «Соглашение Грея и Извольского не относится к вопросу Дарданелл, который Извольский хотел бы решить благоприятно для России. Англия хотела бы в этом вопросе связать Россию, но не может, потому что тем самым она обидела бы Турцию, которая ни в коем случае не согласится с тем, чтобы проход через Дарданеллы и Босфор был свободным. Наконец, этот вопрос был таким образом решён между Греем и Извольским: пусть Извольский попробует договориться об этом напрямую с Турцией ещё до конференции, а затем, если Турция согласится, дело будет вынесено на конференцию. Наиболее вероятно, что Россия, которая оставила судьбу Боснии и Герцеговины и сербского народа только для того, чтобы решить вопрос о Дарданеллах, останется ни с чем. Это называется успехами российской дипломатии» [Политика, 1908, № 1692, с. 3].

В день, когда была объявлена аннексия, *Правда* вышла в чрезвычайном номере. Целый номер был посвящён аннексии. На первой странице была статья «На войну!» с призывом к сербскому народу больше не молчать. Суммируя политику европейских держав, *Правда* заключает: «Россия и в этот раз предала нас и сдала...» [Правда, 1908, № 262, с. 1].

Сербию охватило глубокое разочарование российской политикой, проявившей чрезмерную уступчивость в вопросе аннексии. Россия ограничилась предложением о созыве международной конференции по урегулированию балканского кризиса. Однако все великие державы, включая саму Россию, в конечном итоге согласились признать аннексию Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией. *Правда*, которая всегда писала положительно о России, 15 октября в большом анализе «Не с Россией» задала вопрос: следует ли Сербии дальше двигаться с Россией или надо обратиться к Великобритании. «Не даёт ли это повод задуматься, является ли шаг сближения с Россией со стороны наших влиятельных кругов разумным и принесёт ли он пользу нашей национальной политике? Считается ли разумным сегодня сближаться с Россией, когда Англия так очевидно идёт нам на руку? Нужно прояснить, чья рука сегодня искреннее. Разве историография, как современная, так и в рамках Берлинского договора, не даёт нам достаточно материала, чтобы верить, что и сегодня Россия неискренна... Никаких сомнений нет, что Россия из своих собственных интересов поддерживает проникновение немцев на Балканы» [Правда, 1908, № 282, с. 1].

Журналисты *Малого журнала* с разочарованием писали о русской политике. «Можно ли ещё кому-то верить на пустые слова, когда два царя не держат слова и обманывают сербский народ? Нет, и у терпения есть конец» [Мали журнал, 1908, № 274, с. 1].

Цариградски гласник в статье «Берлинский договор» анализировал всю картину событий с 1877 по 1908 годы и констатировал, что Берлинский договор был аннулирован аннексией Боснии и Герцеговины и признанием независимости Болгарии. «Провозглашение болгарской независимости одновременно с аннексией Боснии и Герцеговины лишь ещё одно доказательство того, что Болгария заплыла в австрийские воды, полностью освободившись от российского влияния. Оба акта, кажется, поддерживала Германия. Англия была против них, пока это только намечалось через прессу. Россия, похоже, не знала об этом. Порта не признала ни одно действие, которым меняется существующий статус-кво на Балканах» [Цариградски гласник, 1908, № 39, с. 1].

В ответ на аннексию Боснии и Герцеговины Россия выступила с инициативой созыва международной конференции для рассмотрения нарушения положений Берлинского трактата 1878 года. Этот дипломатический шаг был призван мирным путём урегулировать возникший кризис и найти правовое решение вопроса. «А.П. Извольский во время обсуждения сформулировал своё видение политики следующим образом: «В сущности [есть] три пути: 1) война, 2) согласие с Австрией и 3) отказ в согласии. Раз война отвергнута, согласие – также, следовательно приходится принимать третье решение» [Бестужев-Лада, Борьба, 1962, с. 138].

Извольский надеялся, что Германия поддержит Россию, однако 30 октября Германия официально поддержала политику Австро-Венгрии.

Браник на протяжении недели после аннексии занимался исключительно возможной войной Сербии и Австро-Венгрии и волнением сербского народа. Только через неделю после аннексии, в номере от 14 октября вышли две статьи «Война или мир?» и «Сербия и аннексия Боснии и Герцеговины», в которых журналист рассматривает отношения великих держав к аннексии. Только во второй статье журналист касается и России. «Трудно поверить версии, которая, конечно, идёт из Вены, что Россия и Италия принципиально согласились на аннексию в определённой форме и при определённых условиях. (...) Но если выглядит так, что даже славянская Россия не хочет вступать в войну с Австро-Венгрией из-за Боснии, как можно ожидать, что Великобритания выступит за защиту Боснии и Герцеговины от Австро-Венгрии?» [Браник, 1908, № 220, с. 2].

Два дня спустя *Браник* в анализе на всю первую страницу «Европейская конференция и свершившийся акт» детально исследовал балканский кризис, политику Вены и влияние России. «Наша монархия всегда придавала большое значение мнению и позиции России в делах европейского востока. (...)

С тех пор как была провозглашена аннексия Боснии и Герцеговины, стало известно, что российский министр иностранных дел Извольский уже несколько месяцев назад вёл разговоры с бароном Эренталом об аннексии Боснии и Герцеговины и что Извольский сказал Эренталю, что хотя Россия не может одобрить аннексию Боснии и Герцеговины, но из-за аннексии не будет войны с Россией. Конечно, барон Эренталь мог это рассматривать как некое согласие России на аннексию. Но мог ли и смел ли Извольский дать такое заявление барону Эренталю? Все народные традиции русского народа указывают на то, что Россия была защитницей христианских народов на Балканах, что она пролила реки крови за эти народы, как за своих братьев, и потратила бесчисленные миллионы. Согласно этой народной традиции русского народа, Извольский не мог и не должен был делать барону Эренталю такого заявления, какое он сделал. В другой стране ни один министр не остался бы на своём месте даже на час, когда бы обнаружились последствия такой ошибки. (...) Само собой разумеется, что сегодня Извольский пытается исправить свою большую ошибку» [Браник, 1908, № 224, с. 1].

Застава долго не уделяла внимания роли России в аннексии. Только 11 октября в статье «Над Балканами все больше туч» в нескольких предложениях объясняется позиция министра иностранных дел России: «В английской прессе указывают, что шатается не только пост русского министра иностранных дел Извольского, но и российского посла в Вене, герцога Урусова. Извольский падёт, как только прибудет в Петроград, поскольку он действовал на свой страх и риск и, как говорят, главным образом из-за того, что, не спрашивая российское правительство и российского царя, заявил, что Россия не будет считать аннексию Боснии и Герцеговины серьёзным делом, из-за которого могло бы возникнуть столкновение» [Застава, 1908, № 225, с. 1].

Аннексия Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией создала необратимый геополитический факт, спровоцировав полномасштабный Балканский кризис. Этот кризис не был разрешён в 1909 году, как предполагалось, а лишь отложен, создав предпосылки для будущих конфликтов. Премьер-министр Столыпин, оценивая действия министра иностранных дел Извольского как непростительную ошибку, настаивал перед Николаем II на его отставке. Он предлагал России занять жёсткую позицию – отказаться от признания аннексии и инициировать созыв международной конференции. Хотя император сохранил Извольского на посту, уже весной 1909 года началась реорганизация внешнеполитического ведомства. Позиция Франции, связанной с Австро-Венгрией тесными экономическими интересами, оказалась ещё одним фактором дипломатической изоляции России в этом вопросе [Мультатули, 2017, с. 595].

Браник защищал Россию, точнее, пытался оправдать ошибки Извольского: «Извольский должен был исправить одну из своих больших ошибок. Можно сказать, что Извольский очень легкомысленно поступал, и это без полномочий, во всём деле аннексии Боснии и Герцеговины.

(...) Царь Николай II из-за великой ошибки, которую совершил Извольский, не уволил его сразу, а дождался, чтобы Извольский, своей поездкой в Лондон, Париж и Берлин исправил свою большую ошибку, подготавливая созыв конференции» [Браник, 1908, № 244, с. 1]. 23 ноября 1908 года Австро-Венгрия официально заявила о своём категорическом отказе от проведения международной конференции по вопросу аннексии Боснии и Герцеговины. На Балканах стремительно нарастала военная напряжённость: Сербия и Черногория готовились к возможному конфликту с Австро-Венгрией, в то время как Османская империя демонстрировала готовность к противостоянию с Болгарией [Hutzendorf, 1921, с. 138].

Однако австро-венгерское правительство воздерживалось от первичного применения военной силы, опасаясь непредсказуемой реакции со стороны России. Центр дипломатического решения кризиса фактически переместился в Берлин. Император Николай II предпринял личную дипломатическую инициативу, обратившись к кайзеру Вильгельму II, однако германский монарх демонстративно игнорировал возможности мирного урегулирования. В январе 1909 года немецкая сторона выдвинула компромиссное предложение: формальное признание Белградом аннексии в обмен на предоставление Сербии отдельных экономических преференций.

Политика в статье «Настроение в России» уверяла читателей: «Как бы ни держалось российское правительство, симпатии русского народа на нашей стороне» [Политика, 1908, № 1826, с. 2]. В том же номере в статье «Перед решением» журналист пишет о возможном принятии Россией немецкого предложения. «По сообщениям из Лондона и Берлина кажется, что Россия в принципе согласилась на предложение германского правительства, но пока ещё ничего не известно, что великие державы будут требовать от сербского правительства, так как об этом ещё предстоит вести переговоры. (...) Все сведения о том, что Россия согласилась совместно с другими великими державами требовать от Сербии отказаться от претензии на территориальные компенсации, сообщения, которые, как мы знаем, поступали в основном из Вены, преждевременны. Ни Россия до сих пор не согласилась на это, ни точно не известно, в чём состоит германское предложение» [Политика, 1908, № 1826, с. 2].

Ситуация в начале 1909 года начала разрешаться в пользу Вены [Стојановић, 2022, с. 284]. Германия заключила с Османской империей соглашение, согласно которому от Австро-Венгрии получает 2,5 миллиона фунтов стерлингов в обмен на отказ от суверенитета над Боснией и Герцеговиной [История дипломатии, 1945, с. 195]. Германская империя открыто гарантировала военную поддержку Австро-Венгрии в случае вооружённого конфликта, рассчитывая при этом на уступчивую позицию России.

Застава передавала новости из всех европейских газет. Они пытались угадать, что готовят великие державы. «Европейские силы должны сделать всё, чтобы избежать столкновения. Англия и Франция поддержат любое действие, на которое согласится Россия. Английские газеты сообщают, что австро-венгерское правительство уведомило Россию, что в ближайшем будущем не собирается нападать на Сербию» [Застава, 1909, № 35, с. 1].

Два дня спустя *Застава* пишет: «В дипломатических кругах считают, что Россия тем, что сама предприняла известный шаг в отношении сербского правительства, хотела воспрепятствовать вмешательству других сил и, по желанию Сербии, предотвратить уже сейчас вопрос об аннексии. В Вене сомневаются и в том, что сербское правительство, как говорят, вполне вероятно по совету России, в последнее время так подчёркивает, что хочет сохранить мир, и даже работает над тем, чтобы предотвратить всё, что могло бы хоть немножко выглядеть как провокация» [Застава, 1909, № 37, с. 1–2]. *Браник* не был так оптимистичен. В статье «Ультиматум или конференция» он описал подготовку и сосредоточение австро-венгерской армии на границе с Сербией в феврале 1909 года и задался вопросом, требуется ли конференция после соглашения Османской империи и Австро-Венгрии, и констатировал, что она крайне необходима [Браник, 1909, № 29, с. 1]. «Вчера пришли очень серьёзные новости о большой напряжённости между нашей монархией и Сербией. Судя по всему, будет настоящим чудом, если войну удастся избежать. Опасность ситуации на Балканах, похоже, всё больше

распространяется и на остальную Европу» [Браник, 1909, № 31, с. 1]. Уже в следующем выпуске *Браника*, в статье «Военная опасность», подробно разбирается европейская политическая ситуация и неизбежная война. Анализируя позицию России, журналист пишет: «Наша монархия рассчитывала также на то, что Россия добровольно согласится оказать давление на Сербию, и это тем более обоснованно, поскольку это стало возможным благодаря глупой политике русского министра иностранных дел господина Извольского, который непосредственно перед объявлением аннексии совершил без необходимости заявил Эренталю, что Россия не забывает о соглашении с Австро-Венгрией в Рейхштаге 1876 года относительно Боснии и Герцеговины. Тем не менее народное мнение в России, особенно в Государственной Думе, было совершенно иным, чем та глупая политика господина Извольского, который в конечном итоге должен был сам признать свою глупость и направиться по тому пути, который ему предписывало народное мнение в России. Россия в последние дни заявила, что готова оказать давление на Сербию в согласии с другими великими державами в интересах мира, но при этом это давление должно осуществляться и в Вене, и относительно различий, существующих между Сербией и Австро-Венгрией, чтобы эти различия и справедливые требования Сербии разрешила европейская конференция» [Браник, 1909, № 32, с. 1].

Цариградски гласник с большим недовольством опубликовал статью «Продажа Боснии и Герцеговины» о согласии турецкого правительства с денежной компенсацией на австро-венгерскую аннексию [Цариградски гласник, 1909, № 8, с. 1]. В следующем номере *Цариградского гласника* вышла статья «Европа на службе Австрии», в которой европейские державы обвиняются в поддержке аннексии. «Кажется, что вся Европа встала на службу Австрии. По-другому нельзя объяснить последний поворот в её политике по отношению к Сербии и Черногории. (...) Известно, что Россия от имени всех великих держав первой предприняла этот неоправданный шаг, чтобы только Сербия, а не Австрия, была предупреждена, и чтобы только от Сербии требовалось самоустраниние» [Цариградски гласник, 1909, № 9, с. 1]. На той же странице в статье «Шаги европейских держав в Белграде», журналист объясняет: «Российское правительство, поскольку оно согласилось присоединиться к немецкому предложению об интервенции в Белграде, приказали своему послу в Белграде Сергееву дружески, устно, сообщить сербскому правительству, что последнее должно отказаться от своих требований об автономии Боснии и Герцеговины, а также от земельных компенсаций для Сербии» [Цариградски гласник, 1909, № 9, с. 1].

И *Дубровник* панически писал о предстоящей войне: «Война может вспыхнуть уже на этой неделе. Безусловно, эта новость ещё сильнее убеждает нас, что мир накануне страшных событий, и, если сейчас не произойдёт какого-то резкого поворота, мы переживём ужасное истребление, в котором прольётся много братской крови» [Dubrovnik, 1909, № 18, с. 2].

Правда долго передавала вести из западной прессы. В середине февраля задавались вопросом, что сделает Россия. В статье «Миролюбивая политика России» журналист пишет: «Чтобы не оставлять никаких сомнений в своих намерениях, русский кабинет заявил и в Париже, и в Берлине, что он на Востоке видит только миролюбивую политику и что не сможет одобрить территориальные претензии Сербии» [Правда, 1909, № 46, с. 1].

В конце января *Американский Србобран* в большой статье «Что сказала Сербия» более реалистично объяснил политический кризис на Балканах. «Из боязни, что Россия захватит Балканы, Европа пыталась создать ей помехи, толкая Австрию на Балканах через берлинский конгресс, позволив ей оккупировать Боснию и Герцеговину. (...) Доказано, что Балканам не угрожает опасность со стороны России, у которой нет завоевательных намерений, и поэтому уже у Европы должен отпасть любой повод, держащий Австрию на Балканах. На всё это Австрия ответила уклонением от договора, который привёл её в Боснию и Герцеговину, превратив оккупацию в аннексию» [Американски Србобран, 1909, № 158, с. 3].

Российская империя, осознавая свою неподготовленность к крупномасштабному военному конфликту с коалицией Австро-Венгрии и Германии, оказалась перед тяжелым дипломатическим выбором. Австро-венгерское правительство выдвинуло Сербии

ультимативное требование о безоговорочном признании аннексии Боснии и Герцеговины, подкрепленное прямой угрозой военного вторжения [Мультатули, 2017, с. 599].

Сербы хотели войны, ожидая, что наконец освободят Боснию и Герцеговину и объединятся с народом по ту сторону реки Дрины. Однако 13 марта *Политика* опубликовала статью «Россия снова уступает», в которой с большим разочарованием журналист поясняет: «Россия снова уступила Австрии! (...) Большинство великих держав ответило, правда, по его желанию (Эренталя, прим. ред.), но Россия ответила, что принимает к сведению соглашение между Австрией и Турцией, однако считает, что вопрос об аннексии всё же должен быть вынесен на обсуждение на европейской конференции. С этого момента австрийская дипломатия начала всеми силами работать над тем, чтобы сломить Россию в этом вопросе. С этого момента они в Вене и Пеште начали бить в крупнейшие барабаны, проповедуя войну по всем направлениям, угрожая России, что она погибнет, если Австрия начнёт военные действия против неё, что она вскоре потерпит крах из-за внутренней революции и т. д.! Хотя это средство так глупо и прозрачно – кажется, что оно имело успех. Извольский снова готовился к уступкам, если уже не уступил! Он готов и сам признать аннексию как свершившийся факт, о котором больше никто не имеет права дискутировать. Он согласится, что созыв европейской конференции будет лишь для видимости, чтобы одобрить аннексию! Когда смотришь на всё российское поведение с начала этого кризиса до сегодняшнего дня, не видно ничего иного, как только один ряд уступок Австрии» [Политика, 1909, № 1852, с. 1].

С большим разочарованием *Политика* опубликовала статью «Русский позор». «Сколько вопрос аннексии Боснии и Герцеговины является нашей бедой, столько же он является и русским позором. Можно было бы даже сказать, что беда никогда не была так велика, как позор, тот вечный русский позор! Три дня назад стало известно из частных петроградских новостей, что российское правительство согласилось признать аннексию. У нас всё-таки не хотели верить этим известиям. Потому что всё общее поведение российского правительства с первого дня после объявления аннексии указывало на то, что Россия не собирается признать этот позорный, разбойничий акт. (...) Когда соглашение о продаже Боснии между Турцией и Австрией было заключено, Извольский заявил, что соглашение действительно облегчает кризис, но что аннексия зависит только от решения великих держав, а никак не от турецко-австрийского соглашения» [Политика, 1909, № 1854, с. 1].

В следующем номере *Политики* вышла статья «Признание аннексии», в которой подтверждается новое российское решение. «Россия решила не только признать аннексию Боснии и Герцеговины, но и уже признала её. Два дня назад в полдень была передана австрийскому министерству иностранных дел русская нота, в которой российское правительство заявляет о согласии признать аннексию Боснии и Герцеговины» [Политика, 1909, № 1854, с. 2].

Также *Правда* писала аналогично *Политике*. С большим разочарованием из номера в номер журналисты *Правды* говорили о поражении Сербии, предательстве великих держав и тому подобном. Официально новость была передана 16 марта: «Об австро-российском соглашении сообщают как о факте: Соглашение между Веной и Петроградом свершённый факт. Российское правительство признаёт аннексию и турко-австрийское соглашение. Австро-Венгрия отказывается от военных мер против Сербии после завершения действий, которые Россия самостоятельно предпримет в Белграде, не навредив параллельной акции других держав, чтобы побудить сербское правительство заявить, что оно будет разоружаться и избегать всего, что могло бы оскорбить австрийские права и интересы в Боснии и Герцеговине» [Правда, 1909, № 75, с. 2].

Цариградски гласник с большим негодованием писал. В статье «Европа едина на службе Австрии» говорится: «Позорно, что Европа и Россия делают на службе Австрии. (...) Россия ведёт эту игру. Она вела её и при первой интервенции великих держав в Белграде. (...) Россия не долго колебалась, она предала славянское государство и первой, до западных неславянских держав, признала аннексию Боснии. (...) Этот самый постыдный поступок официальной

России полностью изменил всю ситуацию. Это была первая победа Австрии. Всё остальное произошло само собой» [Цариградски гласник, 1909, № 12, с. 1–2].

Браник с оптимизмом писал в январе и феврале 1909 года, однако, когда в марте появилась информация о том, что великие державы признают аннексию, журналисты этого издания также начали писать с разочарованием. В статье «Кусок узкой земли» Браник объяснял, почему важно, чтобы Сербия получила территорию Новопазара и переместила свою границу к Черногории. Далее говорится о Берлинском конгрессе и несправедливостях, причинённых сербскому народу. «Если бы европейская конференция состоялась, Сербия, возможно, имела бы какие-то шансы на компенсацию. Сегодня Россия, хотя и ослаблена японской войной, имела на возможной европейской конференции гораздо более сильную позицию, чем на Берлинском конгрессе. Сегодня Россия уладила свои отношения с Англией в Азии, и сегодня Англия является союзником России. Сегодня Россия более не является противником Англии, а противником Англии является Германия, с которой сегодня существуют натянутые отношения в наибольшей степени. Франция связана союзным договором с Россией, а Италия, кажется, более не находится в Тройственном союзе, так что в случае войны наша монархия должна была бы поставить наблюдательный кордон против Италии. (...) Ни Россия, ни Франция не желают войны, а Англия как сухопутная сила не считается. Босния и Герцеговина не считаются объектами, заслуживающими войны, а небольшой, узкий участок земли, на который претендует Сербия, меньше всего заслуживает того, чтобы из-за него воевать в Европе» [Браник, 1909, № 56, с. 1]. В следующем номере Браника вышла подробная статья «Турция и Болгария в свете балканского кризиса», в которой анализируются отношения двух государств. Рассказывая о новых обстоятельствах, возникших после заключения соглашения между Австро-Венгерской и Османской империями, журналист приходит к выводу: «Россия до сих пор придерживалась точки зрения, что решению европейской конференции не следовало ставить предвосхищение, тем более что на ней бы была исключена дискуссия на тему аннексии. Но теперь Россия отказалась и от этой точки зрения. Россия не желает войны. (...) И Англия не желает войны, как и другие великие державы. Где же сегодня те симпатии в сторону Сербии, которые великие державы проявляли после аннексии Боснии и Герцеговины, которые пробуждали в ней надежду на то, что её требования в интересах сербства на Балканах будут удовлетворены? (...) Где же сегодня те предположения о поддержке России? (...) Сербия за последние дни из одного разочарования погрузилась в другое. Она осталась одна» [Браник, 1909, № 57, с. 1].

Заключение

Оказавшись перед угрозой военного вмешательства Германии на стороне Австро-Венгрии, Россия, ещё не оправившаяся от последствий русско-японской войны и революции 1905–1907 годов, была вынуждена отступить. Неготовность к крупномасштабному конфликту, финансовые трудности и отсутствие надёжных союзников заставили Санкт-Петербург согласиться с аннексией Боснии и Герцеговины, оставив Сербию без поддержки. Это унизительное отступление современники назвали «дипломатической Цусимой» – по аналогии с разгромом русского флота в 1905 году [История внешней политики России, 2018, с. 248]. В течение роковых мартовских дней 1909 года Сербия, тщетно ожидавшая британского вмешательства, столкнулась с жестокой правдой международной политики. Великобритания, руководствуясь прагматичными соображениями, предпочла сохранить отношения с Веной, особенно после капитуляции России и Франции. Решительные действия Австро-Венгрии – частичная мобилизация 16 марта – стали последним аргументом, заставившим Белград 17 марта под российским давлением полностью отказаться от претензий на Боснию. 26–27 марта (8–9 апреля) 1909 года державы совершили юридическое оформление нового статус quo: 1) официальная отмена статьи 25 Берлинского договора; 2) коллективное признание аннексии; 3) закрепление дипломатической победы Центральных держав. Кризис стал катализатором глубинных процессов: 1) окончательное оформление военно-

политических блоков; 2) младотурецкая революция (апрель 1909) и её последствия; 3) кадровая революция: отставка Извольского (1910) и приход Бетман-Хольвега в Германии. Этот кризис не разрешил балканские противоречия, а лишь отложил их на время, создав взрывоопасную ситуацию, которая в конечном итоге привела к глобальному конфликту.

Список источников

Политика, Београд, 6. сентября 1908. године, № 1666, с. 1.
Политика, Београд, 10. сентября 1908. године, № 1670, с. 1.
Политика, Београд, 25. сентября 1908. године, № 1685, с. 1.
Политика, Београд, 26. сентября 1908. године, № 1686, с. 1.
Политика, Београд, 1. октября 1908. године, № 1691, с. 1.
Политика, Београд, 2. октября 1908. године, № 1692, с. 1.
Правда, Београд, 24. сентября 1908. године, № 262, с. 1.
Правда, Београд, 15. октября 1908. године, № 282, с. 1.
Мали журнал, Београд, 30. сентября 1908. године, № 274, с. 1.
Цариградски гласник, Цариград, 26. сентября 1908. године, № 39, с. 1.
Браник, Нови Сад, 1. (14. октября) 1908. године, № 220, с. 2.
Браник, Нови Сад, 5. (18.) новембра 1908. године, № 224, с. 1.
Застава, Нови Сад, 11. октября 1908. године, № 225, с. 1.
Браник, Нови Сад, 29. октября (11. новембра) 1908. године, № 244, с. 1.
Политика, Београд, 15. февраля 1909. године, № 1826, с. 2.
Политика, Београд, 27. февраля 1909. године, № 1868, с. 1.
Застава, Нови Сад, 17. февраля (2. марта) 1909. године, № 35, с. 1.
Застава, Нови Сад, 19. февраля (4. марта) 1909. године, № 37, с. 1–2.
Браник, Нови Сад, 10. (23.) февраля 1909. године, № 29, с. 1.
Браник, Нови Сад, 12. (25.) февраля 1909. године, № 31, с. 1.
Браник, Нови Сад, 13. (26.) февраля 1909. године, № 32, с. 1.
Цариградски гласник, Цариград, 20. февраля 1909. године, № 8, с. 1.
Цариградски гласник, Цариград, 27. февраля 1909. године, № 9, с. 1.
Dubrovnik, Дубровник, 19. марта 1909. године, № 18, с. 2.
Правда, Београд, 15. февраля 1909. године, № 46, с. 1.
Американски Србобран, Питсбург, 22. января 1909. године, № 158, с. 3.
Политика, Београд, 13. марта 1909. године, № 1852, с. 1.
Политика, Београд, 15. марта 1909. године, № 1854, с. 1.
Правда, Београд, 16. марта 1909. године, № 75, с. 2.
Цариградски гласник, Цариград, 20. марта 1909. године, № 12, с. 1–2.
Браник, Нови Сад, 13. (26.) марта 1909. године, № 56, с. 1.
Браник, Нови Сад, 14. (27.) марта 1909. године, № 57, с. 1.

Список литературы

Айрапетов О.Р. 2018. История внешней политики Российской империи. 1801–1914 гг.: в 4 т. Т. 4. Внешняя политика императора Николая II. 1894–1914. Москва, Кучково поле, 768 с.

Бестужев-Лада И.В. 1960. Борьба в России по вопросам внешней политики. 1906–1910. Исторический архив. 6: 60–76.

Бестужев-Лада И.В. 1962. Борьба в правящих кругах в России по вопросам внешней политики во время Боснийского кризиса. Исторический архив. 5: 113–147.

История внешней политики России: В 5 т. Т. 5. 2018. Конец XIX – начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции). Москва, Академический проект; Парадигма. 658 с.

История дипломатии. Под редакцией В.П. Потемкина. 1945. Москва; Ленинград: Государственное издательство политической литературы, 1941–1945. (Библиотека внешней политики). Дипломатия в новое время: (1872–1919 гг.). 1945. VII. 423 с.

Мультатули П. В. 2017. Россия в эпоху царствования Николая II Благочестивого. В 2 томах. Москва, Русский издательский центр имени святого Василия Великого. 704 с.

Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. 1952 [под ред. Е.А. Адамова; сост. И.В. Козьменко]. Москва Госполитиздат. 464 с.

Стојановић М. 2022. Историја српско-руских политичких односа од XVIII века до данас. Архив Војводине. Нови Сад. 415 с.

Hutzendorf C. 1921. Aus meiner Dienstzeit 1906–18, 5 vol. (1921–25; “My Service 1906–18”). (Из моей службы. 1906–1918. Т. 1–5. Вена, 1921. Т. 1). Volume 1. Wien. 676 p.

Michon G. 1929. The Franco-Russian Alliance 1891–1917. Norman Thomas. Allen & Unwin. 340 p.

References

Ayrapetov O.R. 2018. Iстория внешней политики Российской империи. 1801–1914 гг.: в 4 т. Т. 4. Внешняя политика императора Николая II. 1894–1914 [History of the Foreign Policy of the Russian Empire. 1801–1914]. Moscow, Kuchkovo pole, 768 p.

Bestuzhev-Lada I.V. 1960. Bor'ba v Rossii po voprosam vnesheyny politiki. 1906–1910 [The Struggle in Russia over Foreign Policy Issues. 1906–1910]. *Istoricheskiy arkhiv*. 6: 60–76.

Bestuzhev-Lada I.V. 1962. Bor'ba v pravyashchikh krugakh v Rossii po voprosam vnesheyny politiki vo vremya Bosniyskogo krizisa [The Struggle in the Ruling Circles in Russia over Foreign Policy Issues during the Bosnian Crisis]. *Istoricheskiy arkhiv*. 5: 113–147.

Iстория внешней политики России: В 5 т. Т. 5. 2018. Конец XIX – начало ХХ века (От русско-французского союза до Октябрьской революции) [Beginning of the 20th Century (From the Russian-French Alliance to the October Revolution)]. Moscow, Akademicheskiy proekt; Paradigma. 658 p.

Iстория дипломатии [History of Diplomacy]. Под редакцией В.П. Потемкина. 1945. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1941–1945 (Biblioteka vnesheyny politiki). Diplomatiya v novoe vremya: (1872–1919 gg.) [Diplomacy in Modern Times: (1872–1919)]. 1945. VII. 423 p.

Mul'tatuli P. V. 2017. Rossiya v epokhu tsarstvovaniya Nikolaya II Blagochestivogo [Russia in the Era of the Reign of Nicholas II the Pious]. В 2 томах. Moscow, Russkiy izdatel'skiy tsentr imeni svyatogo Vasiliya Velikogo. 704 p.

Sbornik dogоворов России с другими государствами. 1856–1917 [Collection of Treaties between Russia and Other States. 1856–1917]. 1952. [под ред. Е.А. Адамова; сост. И.В. Коз'менко]. Moscow Gospolitizdat. 464 p.

Stojanovic M. 2022. History of Srп-Russian Politicians from the 18th Century to the Present Day. Archives of Vojvodina. Novi Sad. 415 p.

Hutzendorf C. 1921. Aus meiner Dienstzeit 1906–18, 5 vol. (1921–25; “My Service 1906–18”). (Из моей службы. 1906–1918. Т. 1–5. Вена, 1921. Т. 1). Volume 1. Wien. 676.

Michon G. 1929. The Franco-Russian Alliance 1891–1917. Norman Thomas. Allen & Unwin. 340 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 23.03.2025

Received 23.03.2025

Поступила после рецензирования 30.06.2025

Revised 30.06.2025

Принята к публикации 02.07.2025

Accepted 02.07.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Стојановић Милан, аспирант кафедры истории государства и права, Тульский государственный университет, г. Тула, Россия

 [ORCID: 0009-0002-2343-172X](#)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Stojanovic Milan, Postgraduate Student of the Department of History of State and Law, Tula State University, Tula, Russia